

§ 5 ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО

А.И. Гончаров, А.Е. Черноморец

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается острейшая проблема, обусловленная нехваткой в стране специалистов высокой квалификации и низкой зарплатой тех, кто трудится в производственной сфере, требующая, по мнению авторов, корректировки законодательства для поднятия роли и значимости в общественном производстве граждан, которые фактически участвуют в нём своим человеческим капиталом – интеллектуальными и физическими способностями. Для этого авторами предлагается признать в законе, предпочтительно в Гражданском кодексе Российской Федерации, способности человека неотчуждаемым объектом его права собственности. Основания к таким законодательным мерам содержатся в статьях 34 и 37 Конституции РФ. Человеческий капитал в производственной сфере, хотя и не признаваемый таковым официально, всегда занимал ведущее положение, поскольку от его качества и эффективности использования зависит судьба экономического развития и отдельных предприятий, и страны в целом. Особую роль человеческий капитал играет в современных условиях, когда производство технологически усложняется.

Ключевые слова: человек, хозяйственное общество, имущественный капитал, интеллектуальные и физические способности, производство материальных благ, право собственности.

Многие современные российские буржуа, являющиеся учредителями больших и малых хозяйственных обществ, мечтают о том, чтобы люди, состоящие в трудовых отношениях формально с юридическим лицом, но по существу напрямую с каждым таким буржуа, как можно меньше бы их беспокоили. Для такого беспокойства имеется немало оснований, упомянем лишь некоторые из них. Во-первых, XXI-й информационный век чудовищно обнажил 20-ти и более кратную разницу в денежных доходах работников и учредителей хозяйственных обществ. Социальное напряжение и вероятность конфликтов с непредвиденными последствиями из-за имущественного расслоения соответствующих групп населения нарастает очень быстро. Во-вторых, уровень образованности и культуры работников уже достаточно высок для того, чтобы люди понимали, сколько стоят на рынке создаваемые их трудом материальные блага, и насколько несправедливо малую часть от доходов хозяйственного общества они получают в виде зарплаты. В-третьих, живые люди подвержены как позитивному, так и негативному влиянию других людей, природных явлений, сталкиваются с различными трудностями жизни, нестабильностью в состоянии их здоровья, цикличностью биоритмов, стареют. В-четвёртых, пусть и небольшие

деньги, но работникам надо платить, причём каждый месяц, да ещё начислять на эти выплаты страховые взносы в государственные внебюджетные фонды и расставаться с теми и этими суммами навсегда. В итоге многие «владельцы заводов, газет, пароходов» мечтают о том, чтобы в их владениях день и ночь работали сплошь одни роботы, которым требуется только электроэнергия, смазка, время от времени некоторые запчасти и программа – что делать. Но, очень бы хотелось, чтобы у тех роботов были всё-таки интеллектуальные способности как у людей, причём желательно как у самых высококвалифицированных и опытных. В идеале – станок должен быть сделан из металла и прочих износостойких материалов, а голова и руки у него – человеческие.

За рубежом этот процесс идёт довольно широко. Например, Тайваньская компания Foxconn, основной сборщик техники для Apple и других крупных компаний, в 2012 году установила на своих предприятиях первые 10 тыс. роботов стоимостью 20-25 тыс. долларов каждый, и до конца 2012 года планирует установить еще 20 тыс. подобных машин. Роботы будут использоваться в основном на линиях с простыми операциями, где не обязательно человеческое участие. Заводы Foxconn в материковом Китае неоднократно попадали в поле зрения СМИ в связи

с жалобами рабочих на плохие условия труда и случаями самоубийств среди сотрудников. Компания даже установила на своих производственных комплексах специальные сети, предназначенные для предотвращения суицидов, а также наняла штатных психологов.

Гипотетическая у нас и реализуемая за границей картина отражает образ юридического лица без людей в производственной сфере (хотя, как минимум, один человек всё равно есть – это учредитель), которое в современном российском законодательстве существует скоро уже 20 лет, генезис и перспективы этого пагубного феномена мы исследуем в нашей статье.

В кажущемся сегодня очень далеко 1990 году в статье 20 Закона «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. [1] устанавливалось, что земля, ее недра, воды, растительный и животный мир являются неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории. И далее указывалось, что союзная республика, автономная республика, автономная область, автономный округ осуществляют в рамках законов СССР владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами на своей территории, в своих интересах и в интересах Союза ССР. Автономная республика, автономный округ осуществляют эти правомочия в интересах союзной республики и в рамках ее законов. Сама жизнь доказала, что данная статья, на первый взгляд с безобидным содержанием, подорвала не только монополию единой государственной собственности на природные ресурсы в масштабе всего Союза ССР, но и его территориальную целостность как единого государства. Земля и другие природные ресурсы в соответствии с ней признавались на бывшем союзном пространстве объектом права собственности, а следовательно, объектом территориальной целостности и суверенности союзных республик и даже автономных образований. Бывшие союзные республики тогда получили свою территорию как важнейший признак государственности и международного суверенитета. Именно с того момента начался распад СССР и борьба между собой не только союзных республик за природные ресурсы и другие дорогостоящие объекты народного достояния, включая все виды транспортных средств и даже вооружений, но и борьба автономных образований с краями и областями, в состав которых они входили.

Несколько ранее, в 1989 году было принято законодательство об аренде. Это Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 г. «Об аренде и арендных отношениях в СССР» [2] и Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 г. [3]. Следует уточнить, что названные союзные правовые акты были приняты с непосредственным участием

известного советского ученого, члена-корреспондента Академии Наук СССР С.С. Алексеева, занимавшего тогда в Верховном Совете СССР пост Председателя Комитета по законодательству. В связи с данным исследованием для нас очень интересна и показательна его позиция по вопросам права собственности.

По прошествии нескольких лет в своих работах С.С. Алексеев дал глубоко научную и в высшей степени положительную оценку арендному законодательству, принятому в 1989 году [4, 5]. Мы к этой оценке аренды как способу организации производства и приватизации трудовыми коллективами имущества предприятий полностью присоединяемся и теперь можем лишь выразить сожаление по поводу того факта, что аренда была быстро свёрнута уже российским законом в 1992 году без всяких к тому оснований. Но как бы С.С. Алексеев ни хвалил те законы об аренде, уже тогда в них была допущена очень серьезная, хотя быть может для того времени и незаметная, ошибка. Она заключалась в том, что предприятия стали рассматривать без людей, только как имущественный комплекс, однако, по нашему мнению, именно люди составляют «живую ткань», социальную основу коллективного субъекта права и основного производителя материальных благ.

Так, в статью 3 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 г. [3] были включены положения о передаче в аренду предприятий (объединений, организаций, структурных единиц объединений, производств, цехов, иных подразделений предприятий и организаций). Позднее, 20 марта 1990 г., было принято постановление Совета Министров СССР № 280 «О порядке сдачи предприятий (объединений) союзного подчинения и их имущества в аренду» [6]. Как видим, в трактовке Основ и постановления Совета Министров СССР предприятие и имущество рассматривались как синонимы, трудовой коллектив «соединился» с имущественным комплексом, ошибочно отождествленном с предприятием, объединением или их структурными подразделениями. Если быть более точным, то можно говорить, что впервые произошло коллективное «овеществление» людей, то есть, «сращивание» трудового коллектива с имуществом. Именно за это антисоциальное нововведение данное законодательство, как говорится, по горячим следам было подвергнуто жёсткой научной критике на всесоюзной научно-практической конференции, состоявшейся в Ижевске в 1990 г. [7].

Проанализируем опубликованные по этому поводу взгляды С.С. Алексеева. «При формулировании законоположений об аренде были выработаны на базе всего арсенала юридических институтов и средств две принципиально важных новеллы: во-первых, возможность образования на основе существующего трудового коллектива предприятия или цеха нового, совсем другого

¹ <http://hitech.newsru.com/article/14nov2012/fcnrobots>.

субъекта – «организации арендаторов» или просто арендатора, группового и индивидуального, то есть, производителей, людей-трудяг, настроенных на производительное использование арендованного имущества; во-вторых, порядок, в соответствии с которым вся продукция, выработанная на арендованном государственном имуществе, становится собственностью арендаторов. В последствии к этому было добавлено правило о возможности выкупа арендаторами также и арендованного имущества, когда на данном участке вообще не остается государственной собственности; все имущество переходит в собственность производителям» [4, С.40-41].

Мы полностью поддерживаем представленную характеристику, какую С.С. Алексеев дает законодательству об аренде 1989 г. Она совершенно верна, в ней нет и намёка на признание предприятия или его цеха без людей, ибо именно люди путём объединения создают совершенно новый субъект – организацию арендаторов. Но как могло случиться, что в том общесоюзном арендном законодательстве появилась формулировка о предприятии без людей, названном только имущественным комплексом, которая позднее была бездумно заимствована в российское законодательство? Эта совершенно экзотическая для правотворчества новелла «прошла» все российское законодательство, начиная с первого закона «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» 1991 года и заканчивая действующим Гражданским кодексом РФ 1994 года (ГК РФ). По нашему мнению, данная формулировка нанесла колоссальный вред теории гражданского права и социально-экономическому развитию страны в целом.

В другой своей книге С.С. Алексеев совершенно обоснованно защищает институты хозяйственного ведения и оперативного управления от нападков, заявляя при этом, что «по своей специфике, как и иные вещные ограниченные права, это феномены мирового порядка. Мало кому известно, что даже в условиях советского периода, где «оперативное управление» действительно было вмонтировано в плановую экономику, оно как юридическая категория было заимствовано и плодотворно использовалось рядом крупных капиталистических концернов для организации деятельности их имущественно обособленных подразделений. Тем более такие характеристики относятся к категории «хозяйственного ведения ...» [5, С.124]. Но если С.С. Алексеев вполне справедливо отстаивает цивилистические институты хозяйственного ведения и оперативного управления, присущие именно государственным и муниципальным предприятиям, то ясно, что в его представлении они не могут рассматриваться без людей, как одно только имущество или комплекс имущества. Ведь осуществлять функции хозяйственного ведения и оперативного управления имуществом могут только живые люди, соединяющие с этим имуществом свой труд

в виде физических и интеллектуальных способностей, и все вместе образующие организацию – юридическое лицо (статья 48 ГК РФ).

Примечательно, что в этой же работе С.С. Алексеев говорит одновременно и о предприятии, как объекте разгосударствления и приватизации, и субъекте права. «Соль вопроса, – по его выражению, – состоит как раз в самом существе позиции государства к приватизированным предприятиям и организациям, прежде всего, в отношениях собственности. В том, как раз, что в условиях современного демократического, частнособственнического товарно-рыночного хозяйства необходимо – причем решительно, на деле! – оторвать данного субъекта экономической деятельности в вопросах собственности от государства, вырвать его из огосударственной среды, сделать его реальным собственником, и значит, самостоятельным, суверенным субъектом в области экономики и права» [5, С.85]. Здесь выявляется двойственность взглядов С.С. Алексеева на одну и ту же проблему в разные годы и в разных условиях его положения. В одном случае он говорит о предприятии как объекте приватизации и, следовательно, объекте права собственности, что исключает наличие в нём людского субстрата. В другом же случае он уже называет разгосударствлённое предприятие субъектом права и реальным собственником, самостоятельным и суверенным субъектом в области экономики и права. Остается загадкой, его ли это была инициатива, как Председателя комитета по законодательству Верховного Совета СССР, о названии предприятия в союзном законодательстве об аренде 1989 г. имущественным комплексом, непонятно только – вместе с людьми или без них. Фактически произошло то, о чем полвека назад писал академик А.В. Венедиктов, проявляя озабоченность игнорированием значения трудового коллектива государственного предприятия в формировании его правоспособности. Тогда академик отмечал, что «в литературе, посвященной природе прав социалистических хозяйственных госорганов на закреплённое за ними имущество, имела нередко место подмена понятия социалистического госоргана как организованного государством и наделённого правоспособностью коллектива понятием персонифицированного государственного имущества» [8, С.616].

К великому сожалению, на заре создания в России рыночной экономики произошла недопустимая подмена понятий трудового коллектива предприятий и их структурных подразделений на персонифицированное государственное имущество теперь уже на основе аренды, а не права оперативного управления. Пагубность этой подмены, а точнее признание данных категорий тождественными категориями, начала проявляться уже в процессе реализации первого российского закона о приватизации государственных и муниципальных предприятий 1991 года,

особенно при конкурсной или аукционной их продаже. Работающие на продаваемых предприятиях люди даже не подозревали, что в качестве приложения к имуществу предприятий они сами передаются новому собственнику как некая ценность предприятия, как часть имущественного комплекса. В то же время, стоимость имущественного комплекса в значительной мере зависела от успехов конкретного завода или фабрики, то есть, работоспособности трудового коллектива и рентабельности используемого им оборудования, достигнутых коллективом экономических и производственных показателей. В первой половине 1990-х годов «предприятия на ходу» – такое название им придумали цивилисты-либералы, – оценивались значительно дороже, чем предприятия в прямом смысле слова безлюдные, не производящие никакой продукции. Пусть даже и «предприятия на ходу», но они тем более невозможны без людей. Тем самым была порождена так называемая коллективная форма «сращивания» людей с имуществом, что мы называем «овеществлением» человека в праве собственности.

Сопоставим далее строго логично и научно наше утверждение с высказываниями других учёных по этой проблематике.

Во-первых, мы никогда не сможем согласиться с С.С. Алексеевым в том, что «собственность – это полное господство и абсолютная власть над этими предметами, иными объектами, причем господство и власть такие, когда они выражены в отношении к вещам как своим» [5, С.12]. Поскольку об отсутствии абсолютности в данном вопросе мы уже писали много раз, повторяться не будем; известно, что в природе все абсолютно и относительно в разных отношениях. Нельзя фетишизировать собственность (точнее – объект собственности) до такой степени, чтобы отношение человека к вещам как к своим отождествлялось, а точнее, сливалось с отношением его к объекту собственности «как к самому себе». Вот как звучит это более чем странное определение, по словам автора, в сжатом виде: «Собственность по всем своим исходным началам и своей сущности есть именно нечто «свое», «собственное» для человека. Отношение к вещам как к своим, или, что то же самое – как к самому себе, то есть, как продолжение человека в вещах. Продолжение его персонального господства, абсолютной и исключительной власти в отношении внешних предметов, которые становятся условиями и факторами его существования, преодоления природных и иных трудностей жизни, его интереса, а главное, еще одними, притом могущественными, «руками» или даже, если угодно, – «частями самого человека», его бытия (в условном смысле – его «тела»), проявлениями, поприщем или даже, при наличии необходимых условий и потребностей, инструментами его физических возможностей и разума, умения и способностей, активности и творчества» [5, С.12].

Затем находим у С.С. Алексеева сентенцию уже в отношении целого коллектива: «Думается, именно в акционерном обществе – все имущество общества объективно составляет целостный имущественный комплекс, который наряду с многообразными материальными объектами содержит элементы интеллектуального (в широком смысле) порядка, а также в определенных характеристиках людской состав (персонал, коллектив работников).» [5, С.19]. Здесь невозможно понять, кого автор подразумевает под персоналом, а кого – коллективом работников, но самое главное, что в каких-то определенных характеристиках, (правда, тоже непонятно, в каких) эти люди, по его мнению, входят в состав имущественного комплекса акционерного общества. Всё это результат того, что человек, будучи разумным существом, своим интеллектуальным элементом сливается, соединяется, можно сказать «сращивается» с вещью в конструкции С.С. Алексеева. Человек разумный становится составной частью имущественного комплекса, объектом собственности, в цивилистике начала XXI века рождается феномен – «человековещь». Мы догадываемся, всматриваясь сквозь авторский туман, что таковыми становятся всё-таки, работники – члены трудового коллектива, а не «персонал», трактовка которого также не даётся. А может быть, под ним подразумеваются акционеры.

Глубоко идеалистично в контексте конструкции С.С. Алексеева выглядит утверждение К.И. Скловского о том, что такое лапидарное определение как «отношение вещи как к своей», при всей кажущейся ненаучности оказывается довольно глубоким, если учесть, что «своей» можно считать вещь, если понимать её как пространственное расширение личности. Её потенциала. Именно это качество принципиально отсутствует у обладателей всех других прав на вещь, они ни в каком случае не относятся к чужой вещи как атрибуту, продолжению собственной личности [9, С.158].

Следует уточнить, что продолжение человека в вещах – это гегелевский постулат, в котором проявляется не только субъективный идеализм, но и нарушаются законы антропологии, ибо человек смешивается с другими предметами материального мира. Превозношение вещей в таком ракурсе, с точки зрения юридической догмы, означает смешение субъекта права собственности с его объектом. Вещь, как объект собственности, фетишизируется до такой степени, что теряется всякая роль человека труда, который не имеет в собственности тех вещей, в которых он мог бы раствориться и стать с ними единым целым. А физические и интеллектуальные способности людей труда, как подлинный, никогда и ни при каких обстоятельствах от них не отчуждаемый объект их права собственности, почему-то вообще не упоминается в данной концепции, как слитая с человеком вещь в полном, первородном, антропологическом смысле термина «слитность».

Хотя вся теория С.С. Алексеева буквально вращается вокруг данного вопроса, до истины ему остается сделать полшага, чтобы открыть великую человеческую истину, особенно в главе работы «Поиск». Вот как он приближается здесь к этой человеческой и глубоко научной истине, которую мы в своих научных трудах исповедуем: «Главное заключается в том, что собственность в сфере производства неотделима от труда – физического и интеллектуального. Вещи, иные предметы, охватываемые данной категорией собственности – машины, производственные здания, транспортные средства, механизмы, минеральное сырьё, а также технология, производственные идеи, новации и пр., – сами по себе вне прилагаемого к ним живого труда не способны дать какой-то материальный эффект. Они вне труда человека не более чем груда «мёртвых» вещей, иных опредмеченных объектов» [5, С.21].

Всё сказано настолько верно, что добавить нечего. Но отсюда следует непреложный вывод о том, что к осмыслению сущности собственности и следовало подходить с учётом людей всех категорий, а не только тех, кто господствует над вещами, главным образом, над средствами производства и присваивает результаты труда «наёмных» работников. Именно они своим трудом создают материальные и духовные ценности, необходимые человечеству для продолжения его жизнедеятельности. Сам же закон российский не признает физические и интеллектуальные способности каждого отдельного человека объектом его права собственности, что является великой несправедливостью, которую С.С.Алексеев, к сожалению, упускает из виду.

Вообще, С.С. Алексеев отождествляет собственность с объектом собственности [5, С. 10, 52, 64, 89, 103]. Указанный автор допускает смешение предметов материального мира с общественными отношениями, как явлениями духовного или социального порядка. Экономическая и юридическая составляющие смешиваются автором воедино. По С.С. Алексееву, право изначально или первоначально входит в ткань собственности. «Собственность, – пишет С.С. Алексеев, – по самой сути складывающихся отношений – это и право собственности. Собственность «без права на неё» и вообще без права как общецивилизационной категории теряет какой-либо смысл, сами основы своего существования. Полное, абсолютное обладание вещами, иными предметами, и тем более власть над ними, особенно власть, имеющая характер «умственной принадлежности», – на определённой ступени развития общества (и добавлю, развитости самих общественных отношений) иначе, чем через «посредство права», через определяемые правом юридические механизмы и институты, существовать и реализоваться не может» [5, С.22].

В-третьих, обратим внимание, что трактовка категории «собственность», выражающая слитность экономического и правового элементов, рассматривалась К. Марксом

в его работах, а затем в таком же ракурсе интерпретировалась А.В. Венедиктовым в его фундаментальном труде, что, очевидно, в период жизни академика обуславливалось невозможностью отступления от идей марксизма. И позднее целая плеяда других советских учёных рассматривала собственность как экономико-правовое явление, в котором неразрывно сливаются экономический и юридический элементы. Они как будто не видели, что в отечественной цивилистике различают право собственности в объективном смысле или объективное право, функционирующее в государстве независимо от того или иного конкретного субъекта, именуемое ещё положительным или позитивным правом. Это система юридических норм о собственности, которые формируют типовую модель поведения субъекта права собственности. И совершенно отдельно признаётся субъективное право, как совокупность правомочий конкретного субъекта права собственности на принадлежащую ему конкретную вещь, с которой почему-то сливается сам собственник в конструкции С.С. Алексеева.

Экономическое содержание и юридическая форма сливаются воедино только в субъективном праве собственности. Но не в таком же ключе, как полагают критикуемые нами авторы, считающие, что объект собственности сливается с собственником, является его рукой, ногой, головой и (или) другой частью тела и даже осуществляет пространственное расширение личности собственника. Это полностью разные категории и смешивать их нет никаких оснований. Упомянутым нами авторам – представителям трактовки собственности с уже существующим в ней правовым феноменом, – зададим простой вопрос: а что было с собственностью, когда не было ни государства, ни права? Ведь присвоение добытого у природы людьми из родо-племенного сообщества, и даже дикарями, существовало. И этого никто не может отрицать. А присвоенность или принадлежность предмета материального мира кому-то и выражается категорией «собственность». В этой связи С.С. Алексеев пишет следующее: «Прежде всего, по всем историческим данным и самой логике исторического развития, собственность выступила в качестве необходимого компонента в процессе выхода человеческого сообщества из первобытного состояния» [5, С.37]. Оказывается, что никакого права и государства как его спутника, в природе ещё не существовало, а те отношения, которые мы именуем собственностью, развивались, то есть, собственность существовала и притом явилась важнейшим фактором выхода человечества из первобытного состояния. Невозможно осмыслить полученный таким образом «винегрет» – конструкцию, соединяющую человека с предметом материального мира, как объектом его собственности, и с правом, как неотъемлемым компонентом собственности.

В-четвёртых, может показаться, что упомянутые нами авторы проявляют заботу о человеке, о его благе,

поскольку собственность, в их представлении, становится «руками», или другими дополнительными частями самого человека, факторами улучшающими его существование, условием преодоления природных и иных трудностей, собственность, в их представлении, становится даже пространственным расширением личности и другими невероятными и полезными элементами. Если даже и так, но ведь всё это относится только к людям богатым, фактически имеющим вещь, причём дорогую, прежде всего, запущенную в производство. Показанная конструкция совершенно не затрагивает собственность (точнее – интерес) тех людей, которые участвуют в производстве материальных благ своими интеллектуальными и физическими способностями. «Люди-трудяги» не имеют той вещи, которая подняла бы их жизненный уровень до той желаемой высоты, которую выдают за действительность авторы столь оригинальной доктрины. С.С. Алексеев сосредоточил всё свое внимание на магнатах капитала, на акционерах и прочих собственниках, дав им справедливую критику, но только не на собственниках интеллектуальных и физических способностей, которые применяют именно люди-трудяги в процессе производства материальных благ. Они по-прежнему остаются «продавцами рабочей силы», хотя даже сам К. Маркс, выдвинувший данный прокапиталистический штамп, иногда называл трудящихся производителями. Не смотря на то, что этот штамп в течение XX века постепенно переродился в «работу по найму», люди-трудяги по-прежнему остаются «арендодателями рабочей силы» собственникам крупного имущественного капитала, который за бесценно преумножают своим трудом.

По нашему мнению, такая позиция упомянутых авторов ведёт к рабству в новом его обличье, потому что в ней возвеличивается богатство учредителя хозяйственного общества, вещи, как объект собственности, возвеличиваются выше человека труда, который не имеет в собственности тех вещей, с которыми он должен срастись и стать с ними единым целым. А без них – он только «арендодатель рабочей силы» в модели «работа по найму». При этом физические и интеллектуальные способности отдельного индивидуума – человека труда, как подлинный, никогда и ни при каких обстоятельствах неотчуждаемый объект его права собственности, почему-то вообще не упоминаются в данной доктрине. Однако, именно путём человеческого труда создаются практически все ценности, необходимые человечеству для продолжения жизнедеятельности, но физические и интеллектуальные способности каждого отдельного человека игнорируются, закон не признает их объектом права собственности.

Философскую основу экономического законодательства современной России, как и законодательства других развитых стран мира, по-прежнему составляет ошибочный постулат К. Маркса «рабочая сила – товар». Именно

на нём строится всё законодательство об акционерных обществах. В этой связи тоже можно привести работу С.С.Алексеева, в которой он справедливо отмечает, что акционерные общества в том виде, в каком они функционируют сегодня, стали тормозом социального прогресса в мировом масштабе. И если мы пытаемся защитить вещную природу производственных отношений, где зарождается собственность, то есть, берут своё начало элементы первоначальной или первородной присвоенности материальных благ людьми, то акционерные общества ни в какой их ипостаси не могут служить примером организационно-правовой формы. Что же касается акционерных обществ, созданных в России и других странах постсоветского пространства, то это просто аномальное явление в социально-экономической и правовой действительности [10, С.49-76].

Оказавшись в замкнутом кругу своих противоречий, С.С. Алексеев приходит к очень важному и верному выводу. «Именно в корпорациях, – пишет он, – авторитарный режим нашёл адекватную для себя сферу бытия и деятельности, реализующую на основе собственнического всевластия господство не только над «вещами» но в той или иной мере – над людьми. Даже при относительно развитых политических институтах, построенных на принципах разделения властей и иных началах политической демократии, на капиталистическом предприятии персонал не выбирает руководителя. И как правило, не участвует в решениях. И тогда, как подмечено исследователями проблемы, «мы перешли от одного типа тоталитаризма к другому, от монополии политической (партийной) власти к монополии экономической власти олигархов» [5, С. 113-114].

С.С. Алексеев вводит понятие некой «верховой» собственности, не просвечивающей юридическую природу подлинных собственнических отношений в акционерных обществах, корпорациях, капиталистических предприятиях и иных, названных им хозяйствующих субъектах, где и рождаются современные российские буржуа. Согласно российскому законодательству субъектами права собственности являются сами организации. А мы неоднократно в своих работах доказывали, что фактическими собственниками являются учредители и другие акционеры, то есть, те лица, которым принадлежат средства производства. Возникает вопрос: так называемая верховная собственность – это собственность самого капиталистического субъекта или общая долевая собственность лиц, вложивших в него свои финансы или овеществленные предметы, но никак не участвующих в самом процессе производства? Прямого ответа мы в книге [5] не находим при самом внимательном поиске.

По мнению С.С. Алексеева, имущество акционерного общества может быть охарактеризовано в качестве объекта собственности, которую условно можно назвать верховной в значении того, что она является при-

оритетной в своих качествах (единства, неделимости, неприкосновенности в отношении всех лиц, которых она касается) [5, С. 103]. Понятно, что эта собственность касается, в первую очередь, акционеров, вложивших в дело деньги и имущество в натуре для её создания. Но качества единства, неделимости и неприкосновенности этой собственности никакого значения не имеют, потому что всё имущество акционерного общества и в натуре, и в деньгах (весь его имущественный комплекс в денежном выражении) поделено на доли в форме акций. И не для того создавалось акционерное общество, чтобы делить его имущество, а для извлечения из него доходов в виде дивидендов. Именно акционеры несут риск убытков от деятельности акционерного общества стоимостью своих акций, распределяют полученную прибыль или доход от его деятельности, отвечают по долгам общества перед кредиторами также стоимостью своих акций, решают все другие вопросы имущественного характера. Следовательно, так называемая верховная собственность служит лишь своеобразной кладовой для извлечения из неё богатства, оазисом скрытого источника обогащения государственных служащих всех ветвей власти, многие из которых имеют акции самых разных акционерных обществ. Ведь им не запрещается иметь в собственности акции, госслужащим запрещено только участие в органах управления хозяйственных обществ.

Через владение пакетами акций в акционерных обществах мы находим подтверждение верности нашей позиции о том, что каждый в отдельности акционер на основе своих вкладов в имущественном или денежном выражении в акционерное общество становится тем самым буржуа, верную характеристику которым дает С.С. Алексеев. Так называемая верховная собственность – это общая долевая собственность учредителей и других акционеров в скрытом, завуалированном виде. Как бы законодатель ни скрывал её под маской обязательственных отношений, подлинная социально-экономическая сущность общей долевой собственности учредителей и других акционеров на всё имущество, как в закрытых, так и в открытых акционерных обществах неоспорима. Косвенно это подтверждается в работе указанного автора: «Главное вот что. Как только какой-либо акционер ... оказывается обладателем контрольного пакета акций..., это лицо фактически обретает положение полного, безраздельного собственника всего имущества акционерного общества. То есть, не только имущества, соответствующего пакету акций данного лица, а именно всего. Сюда, к данной категории лиц надо напомнить, относится и государство, если оно по определённому кругу объектов обладает контрольным пакетом акций или вообще всеми 100%...» [5, С. 105]. «Но как бы то ни было, несмотря на наличие у иных акционеров «блокирующего пакета», обладатель контрольного пакета акций через механизмы

и институты акционерного общества является реальным фактическим хозяином всего имущества акционерного общества. Притом имущества, которое принадлежит к категории верховной собственности» [5, С. 107].

На наш взгляд, понятие «верховная собственность» ничего научного не означает и, повторимся, – является ширмой, прикрывающей «бизнес-инкубатор» современных российских буржуа. Из приведённых суждений С.С. Алексеева неоспоримо вытекает тот факт, что имущество акционерного общества, как и всех капиталистических предприятий, является объектом общей долевой собственности финансовых магнатов, вложивших в него свой капитал в натурально-вещественном или денежном выражении. Обязательственные отношения акционеров с обществом определяющего значения не имеют, и зафиксированы они в законодательстве лишь с той целью, чтобы скрыть подлинных субъектов обогащения, в том, по меткому выражению автора, клондайке отдельных, не только финансовых воротил, которые учредили акционерное общество, но и представителей властных структур всех уровней.

В-пятых, в вопросе соотношения материи и сознания, человек и его жизнь, с одной стороны, безусловно, – явление материального мира, объект естественно-природного происхождения. С другой стороны, он – преобразователь естественного состояния планеты «Земля», то есть, субъект всех деяний. Такой детерминации никогда нельзя исключать из связи человека с природой. Позитивное право здесь играет совершенно второстепенную роль: играет роль только в плане сохранения природы от её разрушения цивилизацией. Своё особое место человек занимает в сфере материального производства, где его интеллектуальные и физические способности выполняют функции активной части производительных сил, приводят в «работу» пассивную их составляющую в виде орудий и средств производства и предметов труда, что называется имущественным капиталом. К сожалению, К. Маркс низвёл человеческий капитал до грубой «рабочей силы», да ещё и оторвал её от человека, в физиологической оболочке которого она пребывает, и назвал продаваемым товаром. Каждый квалифицированный юрист знает, что в сделке купли-продажи товар выбывает из владения продавца навсегда.

Разве может человек продавать свой собственный товар «рабочую силу» ежедневно, из года в год? Это очень похоже на упомянутых выше роботов, которым нужна электроэнергия, смазка, время от времени некоторые запчасти и программа – что делать. Может быть данный товар продаётся подобно шерсти, которую с овцы каждый год состригают заново? Но рассуждая так, можно дойти до абсурда, что «рабочая сила» словно щетина в период от конца предыдущего до начала следующего рабочего дня «отрастает» (восстанавливается) заново.

Очевидно, чем более широко распознавание этого абсурда распространялось в течение XX века, тем более часто стала употребляться в терминологии модель «работа по найму». Как ни прискорбно, эти две глубоко ошибочные модели до сих пор сохраняются в экономической теории, на которой строится соответствующее законодательство.

В то же время, в статье 34 Конституции Российской Федерации говорится, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности. Статья 37 Конституции РФ устанавливает, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Термин «свои» здесь обозначает тот непреложный факт, что Конституция РФ называет способности человека к труду его объектом собственности. Но не только способности к труду, а все его качества: ум, талант, физическая сила и другие подобные свойства человека даются ему природой от рождения, то есть, имеют, прежде всего, естественное происхождение, а затем развиваются в процессе всей его жизни. Они неотчуждаемы от него ни при каких обстоятельствах, их невозможно продать в течение рабочего времени. Поэтому тезис К. Маркса «рабочая сила – товар» является ошибочным в самом генезисе и не подлежит социальной реализации. Также ошибочен термин «рынок труда», труд людей не продается и не покупается, труд вознаграждается именно как результат участия людей в производстве материальных и духовных благ путём личного использования ими физических и интеллектуальных способностей.

Способности человека имеют материальную основу, потому что находятся в неразрывной связи с его душой и телом и должны быть признаны позитивным законом его объектом собственности. По существу, такой шаг будет дублированием естественного права, но он необходим для того, чтобы поднять на должный уровень роль человеческого капитала в движущих силах общественного развития, в котором доминирующее значение получил пока имущественный капитал. Возвеличивание в российском законодательстве имущественного капитала и принижение роли человеческого капитала во всех областях жизнедеятельности людей влечёт за собой негативные последствия различной степени тяжести.

Надо иметь в виду, что интеллектуальные и физические способности человека (хотя не исключаются в этой роли и другие его свойства) выступают определённым фактором реализации собственнической принадлежности людям и отчуждаемых объектов, представляющих имущественный капитал. Они создают предпосылки для реализации всей триады прав собственника (владение, пользование, распоряжение) в отношении принадлежащего ему объекта или парализуют такую возможность. Например, отсутствие способности управлять авто-

мобилем деформирует у его собственника правомочие пользования им. У него остается только пассивное право владеть автомобилем, также он может реализовать правомочие распоряжения данным объектом собственности, например, продать его. Это проявление способностей человека в так называемой бытовой сфере. Но самое большое значение имеет проявление способностей людей в общественно-полезной деятельности, особенно в производстве материальных и духовных благ. Ведь не случайно Конституция РФ выделила именно трудовые способности каждого человека, поскольку они играют решающую роль в производительных силах любой общественно-экономической формации и государственно-политического строя.

В структуре юридического лица концентрируются все составляющие производительных сил общества, следовательно, оно служит правовой формой выражения складывающихся в нём производственных отношений. Через фигуру коммерческого юридического лица – хозяйственного общества создаются практически все материальные и духовные ценности, необходимые человечеству для продолжения его жизнедеятельности. И в зависимости от того, как построена структура юридического лица производственного характера зависит судьба экономического развития и отдельного хозяйствующего субъекта, и экономики страны в целом. Действующий ГК РФ искажает внутреннюю структуру хозяйственных обществ, поскольку закрепляет разрыв производственных отношений. Подлинных участников производственного процесса, которые применяя свои интеллектуальные и физические способности, именуемые человеческим капиталом, создают новую продукцию, выполняют работы и оказывают услуги, ГК РФ вывел из производственных отношений, превратив их в продавцов или арендодателей своей рабочей силы. Это является грубейшим нарушением объективно действующих, можно сказать, природно-естественных законов экономического развития. Вопреки этим закономерностям и здравому смыслу участниками производственных отношений признаются лица, использующие в производстве только свой имущественный капитал. Довольно часто такие лица никакого отношения к производству не имеют и участвуют только в распределении полученного результата труда других людей.

В заключение следует сделать вывод, что продолжение человека в вещах, пространственное расширение от этого человеческой личности, и в итоге – «человековещь», как юридический феномен, невозможны. Является недопустимой ситуация, при которой в структуре хозяйственного общества имущественный капитал используется людьми, вкладывающими в производственный процесс свои интеллектуальные и физические способности, благодаря чему и получается коллективный результат в виде прибыли, но присваивается этот результат лицами, порой не имеющими никакого отношения к использованию имущества. Причем

эти же лица, вложившие в коммерческое юридическое лицо свой имущественный капитал (чаще всего финансовый) с целью его приращения (получения дивидендов), сами распределяют полученную прибыль, не привлекая к этому процессу работников, трудом которых прибыль получена.

Модернизация во всех сферах жизни и, в первую очередь, в экономическом развитии страны, которая объявлена магистралью в деятельности властных структур нашего государства на ближайшую перспективу, требует глубокого пересмотра кадровой политики. Человеческий капитал в производственной сфере, хотя и не признаваемый таковым официально, всегда занимал ведущее положение, поскольку от его качества и эффективности использования зависит судьба экономического развития и отдельных предприятий, и страны в целом. Особую роль человеческий капитал играет в современных условиях, когда производство технологически усложняется.

Острейшая проблема, обусловленная нехваткой в стране специалистов высокой квалификации и низкой зарплатой тех, кто трудится сегодня на производстве, требует корректировки законодательства для поднятия роли и значимости в общественном производстве граждан, которые участвуют в нём своим человеческим капиталом – интеллектуальными и физическими способностями. Для этого требуется, прежде всего, признать в законе, предпочтительно в Гражданском кодексе Российской Федерации, способности человека неотчуждаемым объектом его права собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Основания к таким законодательным мерам содержатся в статьях 34 и 37 Конституции РФ. Последствиями такого шага должны стать, в первую очередь, изменения в те положения ГК РФ, которые регулируют отношения, складывающиеся внутри коммерческих юридических лиц (глава 4 ГК РФ). Безусловно, возникает потребность внесения изменений в статьи ГК РФ, которые посвящены вопросам приобретения права собственности (глава 14 ГК РФ). Потребуется привести в соответствие с этими изменениями другие законы и подзаконные нормативные акты.

Библиография

1. Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. – М., 1997.
2. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. – Екатеринбург, 2006.
3. Собрание постановлений СССР. 1990. № 10. Ст. 53.
4. Черноморец А.Е. Недостатки закона об аренде. // Закон о предприятии и совершенствование хозрасчетного механизма первичного звена. Сборник тез. докл. – Ижевск, 1990.
5. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М., Л. 1948.
6. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М. 2000.
7. Алексеев С.С. Собственность в акционерном обществе. // Проблемы теории гражданского права. – М. 2003.

References (transliteration):

1. Alekseev S.S. Uroki. Tyazhkiy put' Rossii k pravu. – M., 1997.
2. Alekseev S.S. Pravo sobstvennosti. Problemy teorii. – Ekaterinburg, 2006.
3. Sbranie postanovleniy SSSR. 1990. № 10. St. 53.
4. Chernomoretz A.E. Nedostatki zakona ob arende. // Zakon o predpriyatii i sovershenstvovanie khozraschetnogo mekhanizma pervichnogo zvena. Sbornik tez. dokl. – Izhevsk, 1990.
5. Venediktov A.V. Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost'. – M., L. 1948.
6. Sklovskiy K.I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave. – M. 2000.
7. Alekseev S.S. Sobstvennost' v aktsionernom obshchestve. // Problemy teorii grazhdanskogo prava. – M. 2003.